

Александр БАБИЧ Еврейский, партизанский...

ПРО ИСТОРИЮ ОДНОГО ПОИСКА НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ

Всепоглощающий азарт исторического поиска сравним и с рваным рысканьем борзой по следу, и с трепетным замираньем биолога, наблюдающего новую бактерию сквозь линзу микроскопа; и с монотонным полосканием золотодобытчика над лотком породы... Но прерваться невозможно. Сойти со следа добровольно — никогда! Неисповедимы пути поиска... Не знаешь, куда выведет, к чему приведет. И приведет ли?! В этот раз привел.

Несколько лет работы над темой подполья — и для меня стало понятным, сколько партизанских групп было оставлено в одесских катакомбах в 1941 году: большая и разветвленная сеть Молодцова (Бадаева); сгинувшая в катакомбах на Дальницкой группа Солдатенко; погибшая при страшных обстоятельствах в 1942 году диверсионно-разведывательная группа НКВД Кузнецова-Калошина и небольшая подпольная группа сотрудников пригородных райкомов в с. Усатово — Лазарева-Горбеля.

И вдруг новая информация: под землей самостоятелен действовал еврейский партизанский отряд, который позже соединился с партизанами Молодцова и "райкомовской группой".

Информация была новой, а потому интересной. Дальше оставалось ее проверить и по возможности насытить конкретными фактами, именами и событиями. Важно было разобраться, существовал ли отдельный еврейский отряд и насколько он был боеспособен. Проведенные в течение года подземные экспедиции, работа в архивах и кропотливое сопоставление документов и воспоминаний дают более сложную, а главное — более точную картину.

В первую очередь, удалось найти упоминания о них сразу в нескольких воспоминаниях и мемуарах. Попробуем сопоставить их, и потому привожу их максимально полно.

Вот как описывает обстоятельства встречи с этой группой Павел Пустомельник — автоматчик партизанского отряда Молодцова (Бадаева). Возвращаясь после одной из вылазок по добыче продовольствия, они в Усатовских катакомбах случайно натолкнулись на подземный лагерь. Приведу этот отрывок его воспоминаний фактически без купюр, сохранив стилистику и орфографию автора: "Забрав мешок ржаной муки и разделив ее на несколько клумачков, мы с большой радостью ушли в расположение лагеря, заранее зная о том, что люди находятся без продуктов не имеют ничего кроме воды. На пути следования в лагерь Иван Никитович, как опытный шахтер по запаху предсказал, что в недалеке от нас кто-то обитает. Усталые люди понесли ношу в лагерь, а мы начали производить дальнейшее исследование подземной местности. Иван Никитович продвигаясь на запах по множеству запутанных и заложных лабиринтов подошли к таинственному забою и определили, что в нем кто-то живет. Какого же было наше удивление, когда мы разобрали лаз в забой и зашли в него. Там находилось много стариков, женщин и детей, которые были измождены. Страшно было смотреть на них, особенно на детей, что вызывало жалость за их страдания.

Увидели нас, вооруженных и незнакомых, обитатели подземелья испугались, некоторые начали плакать, припадая к земле. Увидав такую обстановку и их перепуганные лица, мы сразу начали рассказывать, что мы партизаны, а не полиция, которых они так боялись. Среди неизвестных людей, кото-

рые были еврейского происхождения, оказался один человек невысокого роста с черными усами, под лет 40 — 45 с милой улыбкой с лысиной на голове, что послужило основанием считать его старшим среди них, и мы решили с ним поговорить. Он рассказал, что его фамилия Фурманов Яков, бывший рубальщик мяса на колхозном рынке Привоза, что он и его семья не успели эвакуироваться из города. С приходом оккупантов, которые начали чинить расправу над еврейским населением, решил укрыться в катакомбах. Вместе с ним укрылись и другие жители города еврейского происхождения, рассчитывая на то, что в ближайшее время наша Красная Армия освободит от оккупации город Одессу. Он действительно подтвердил, что он является старшим этого подземного тора. Он поддерживает постоянную связь с одним хорошим человеком, но назвать его фамилию категорически отказался. С этим мы ушли на свою базу, и по приходе рассказали командиру отряда....

Все же по нашему настоянию Фурманов вынужден был признаться, с кем он поддерживает связь и назвал жителя Большого Куяльника Василия Ивановича Иванова. При помощи Фурманова была организована встреча с Ивановым. Оказалось, что в его доме имеется лаз в катакомбы, через который он поддерживал связь с Фурмановым и обеспечивал их по возможности продуктами питания, за что они ему платили. Но с каждым днем становилось хуже с приобретением продуктов для людей упрятавшихся в катакомбах от расправы оккупантов. Оказалось, что некий Коза и есть тот самый Иванов Василий, которого по уличному прозывают "Козой". Он упрятал в катакомбах около 40 человек обреченных на верную смерть, которую проводили оккупанты в городе... Он выполнил свой долг, но все же карателями был изобличен в связи с партизанами, арестован гестаповцами вместе с женой, которые по приговору военного трибунала оккупационных войск расстреляны".

А вот так описывает встречу с группой Фурмана А. Щерба — в 1941 году он с отцом и матерью оказался в группе подпольщиков села Усатово:

"Однажды под землей встретились с евреями. Блуждали мы в катакомбах с первых дней. Идем по ходу... Слышим: "Стой, кто идет!" У нас фонарики, остановились. Лазарев кричит: "Свои!" Раз свои — подходим. Коптилка, еврей ростом метр семьдесят. Винтовка со штыком, он сидит на посту и куряет. "Что такое?" Он объясняет. Оказывается, в тех катакомбах скрывались тридцать три еврея. Там вонючка такая, видели комнату, где они все вместе спали, ели... От входа недалеко, мы туда на выход не ходили. Мне кажется, что они заплатили хорошо, да хозяин пустил их через свой ход или подвал в катакомбу. Мне тоже тогда так говорили, что якобы вышла на улицу девушка-еврейка, ее поймали, и она якобы выдала, где эта группа скрывается. А пока я где-то месяц им носил туда сухарики. В итоге румыны пришли, Иванова, сына его Ваню взяли, завязали руки, дали фонарик и пустили в катакомбы, чтобы он показал им ход. Этот Ваня отошел от выхода, как-то веревку снял и удрал. Румыны вышли, взяли Иванова, выстрелили на стене его дома силуэт, а потом повели за село на расстрел. Больше на то место к евреям я не ходил. Они там сидели, спали, ничего не делали. Погром, видимо, хотели пересидеть..."

Но наиболее ценными являются воспоминания и показания тех, кто непосредственно входил в группу Фурмана. Л. Сушон в своей книге "Транснистрия: евреи в аду" приводит воспоминания Р.Г. Бобровской — тогдашней 8-летней девочки. Вот что она рассказала: "Моя бабушка жила на Куяльнике — по 20-й линии трамвая. А отец там родился, и его все там знали, так что он решил: авось удастся спрятаться. Он обратился за помощью к бывшему председателю колхоза Василию Ивановичу Иванову, который тоже хорошо знал отца... Тогда у бабушки находились еще две дочки — обе тети со своими семьями, а также мамина родная сестра с двумя детьми. И по неволе они пошли к Василию Ивановичу... Через его сарай можно было зайти в катакомбы. Когда мы спустились, то испытали страх и ужас. Муж папиной сестры, спускаясь туда, упал и на месте скончался. Видно, получил обширный инфаркт от переживаний.

Мы жили в катакомбах около 8 месяцев вместе с партизанами. Выходя оттуда, погиб и мой папа. За домом сидела засада, и как только он вышел из катакомб, его убили выстрелом. Когда партизаны пытались втащить его тело обратно, завязалась перестрелка. Но его труп так и не смогли втащить обратно.

У нас не было, что есть, и пришлось тоже выйти из катакомб. Мы вышли ночью и поползли на живот, чтоб нас не заметили патрули. Но когда наступил день, нас заметили пастухи и по нашему жуткому виду догадались, откуда мы появились.

Они стали звать румын, говоря, что мы сбежали из гетто. Тогда нас арестовали и отправили в сигуранцу — на улице Бебеля, в дом 12".

Тут же у Л. Сушона приводятся и воспоминания сына Давида Бобровского — Лени. Тогда, в 1942 году, 5-летний мальчик запомнил жизнь группы под землей: "...Кончились свечи, пользовались коптилками с маслом, спали на деревянных нарах, всем было холодно и сыро, слышалась стрельба, пошла газы, и началось удушье, так что пришлось сдаваться". При конвоировании в плен Леонид сбежал, и ему пришлось скитаться сначала в пригородах Одессы, а потом чудом выжить на поселении в гетто в селе Амбарово.

Заметные несоответствия в приведенных воспоминаниях стоит отнести на ранний возраст свидетелей: Лене было всего 5 лет, Рите — 8 лет, а Саше Щербе — 15. В полном же тексте воспоминаний П. Пустомельника обнаружил большое множество фактических ошибок, которые можно объяснить тем, что он писал уже в 70-е годы, память могла подводить Павла Петровича. Тут достаточно привести только один характерный и яркий эпизод. Пустомельник, описывая бой в с. Куяльник, в котором приняли участие бойцы-евреи, пишет, что тогда был убит один из них: "Бой между народными мстителями и карателями длился недолго, всего около 30 минут, однако, он был для них ощущением, так как они недосчитались нескольких десятков своих солдат и офицеров. В этом бою получил ранение наш товарищ Красноштейн Владимир, который впоследствии из-за отсутствия медикаментов и плохих условий через неделю скончался. Волододу мы похоронили в катакомбах со всей почестью". Однако из других документов четко вырисовывались реальные история и судьба этого бойца Нерубайского отряда: Давид Красноштейн и Элик Засовский вышли из катакомб 5 июня 1942 года, после фактиче-

ской ликвидации отряда Молодцова (Бадаева). Они направились в Одессу, пытаясь добыть там легальные документы и уже с ними на руках предпринять попытку прорваться в Савранские леса и там продолжить борьбу. Но, придя на старый домашний адрес Засовского, они были выданы соседями и арестованы. Оба расстреляны румынами 24 октября 1942 года. Странно, что в своих воспоминаниях П. Пустомельник так заранее "похоронил" Д. Красноштейна.

Вот тут важными становятся иные источники информации. И такая информация была найдена в Центральном архиве Службы безопасности Украины, а именно в протоколах румынских допросов Жени Фурман — партизанской разведчицы и связной. В 1942 году Женя была арестована, ее не единожды допрашивала сигуранца, и эти протоколы только сейчас удалось отыскать. Ценность их в том, что они передают ту историю — 1942 года. Вот что Женя говорила румынам (стиль протокола сохранен полностью, — прим. авт.):

"Перевод с румынского
Дело №3547/2/Б
Стр. 220 — 221
Материал "ССИ"
ПОКАЗАНИЯ

Я, нижеподписавшаяся Фурманенко Женя (ФУРМАН), еврейка, 1922 года рождения, уроженка г.Севастополя, проживающая в гор. Одессе по ул.Франца Меринга №41, кв.: Окончила 9 классов средней школы, комсомолка. Я вошла в катакомбы из с. Куяльника в начале февраля месяца 1942 года вместе с отцом и его второй женой Фурман Феней. Феня вошла в катакомбы вместе с Леоней Бык, Бобровским Даней, Бобровским Гришей, Яша, дети Дани и две дочки Бобровского Миши. Мы вошли в катакомбы до того, как был дан приказ об интернировании евреев в гетто, т.к. мы знали, что нам придется страдать после прихода румын...

При Советской власти мы знали, что есть катакомбы и что если придут румыны, то в катакомбах останутся партизаны. Мы также знали, что если войдем в катакомбы и найдем там партизан, нам будет хорошо. Входя в катакомбы мы нашли партизан и отец мне сказал, что я также являюсь партизаном и должна подчиняться всем приказам, которые мне будут давать, как партизанке. Я выполняла получаемые приказы, приносила продукты и разносила письма. Мне не нравится румынский и фашистский режим (это она говорит на допросе румынам!!! — прим. авт.), т. к. плохо обращаются с людьми. Всего я находилась в катакомбах один месяц, потом вышла. Я выходила из катакомб, когда нужно было менять рубли при входе в катакомбы я стояла на посту вооруженная винтовкой и револьвером системы "Наган". Меня в катакомбах обучили обращаться с оружием. Коза получал вещи (вознаграждение) от евреев, за вход в катакомбы, но получал он вещи не у всех. Так например, Шура Бобровский спросил его, что ему дать за то, что его впустил в катакомбы. Коза даже не хотел слушать о вознаграждении и сказал, что когда-нибудь рассчитаются...

Отец мой не вышел из катакомб, т. к. знал, что его ожидает. Оставшиеся в катакомбах имеют продукты... Нас выследили и мы были арестованы.